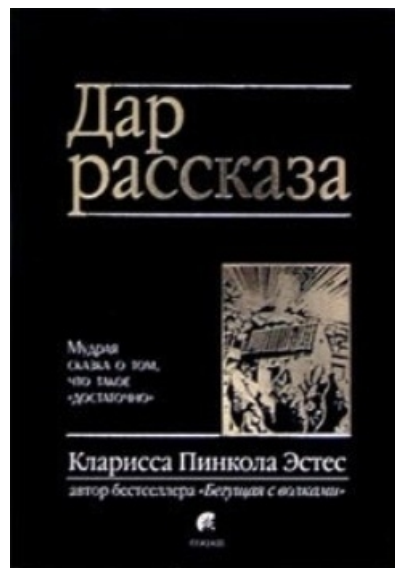

Дар рассказа

Мудрая сказка о том,
что такое «достаточно»

Кларисса Пинкола Эстес

«СОФИЯ» 2005

The Gift of Story

A WISE TALE ABOUT WHAT IS ENOUGH

Clarissa Pinkola Estes, Ph.D.

Illustrations by Michael McCurdy

BALLANTINE BOOKS NEW YORK

Эта книжица содержит несколько историй, которые, словно матрешки, прячутся одна в другой. У моего народа на вопрос нередко отвечают рассказом. За первой историей почти всегда следует вторая, которая, в свою очередь, вызывает к жизни третью, пока вы вдруг не обнаруживаете, что на поставленный вопрос вам отвечают уже третий час. Несколько связанных воедино историй дают более глубокую и комплексную картину, чем одна-единственная. Так что в соответствии с древней традицией начнем с вопроса: «Сколько будет «достаточно»?» На него я отвечу историей.

Долгими вечерами у огня я внимала этой старой сказке. Добрые старые крестьяне из Восточной Европы, в большинстве своем до сих пор не умеющие писать, рассказывали ее в десятках разных вариантов. Она о великом мудреце по имени Баал Шем Тов*.

** Легендарный основатель хасидизма — «простонародного» течения в иудейской мистической традиции. — Прим.ред.*

Когда всеми любимый Баал Шем Тов умирал, он послал за своими учениками. «Я был для вас посредником. Когда я уйду, вам придется самим позаботиться о себе. Знаете то место в лесу, где я разговаривал с Богом? Пойдите туда и позовите Его. Вы знаете, как разжигать огонь и как молиться. Сделайте это — и Господь придет к вам».

После смерти Шем Това первое поколение учеников тщательно выполняло его указания, и Бог всегда приходил к ним. Но уже второе начало забывать, как разжигать огонь и чему учил их Баал Шем Тов. И тем не менее они шли в лес, и становились на том самом месте, и произносили слова молитвы, и Бог был с ними.

Еще поколение спустя люди уже не помнили ни как разжигать огонь, ни где было то священное место в лесу. Но они продолжали творить молитву, и Бог приходил.

В четвертом поколении они не разводили огня, и никто не знал, что это за место в лесу, куда их предки ходили молиться, да и слова молитвы забылись. Но один человек все еще помнил сказку, в которой говорилось об этом. И он рассказывал ее. И Бог приходил.

В этой старинной легенде, как и на протяжении всей истории человечества, раскрывается двойная природа дара рассказа, знание которой сохранилось в дав-

них традициях нашей семьи. Для того чтобы история продолжала жить, нужна хотя бы одна живая душа, которая могла бы ее поведать, и тогда само звучание освященных временем слов вызовет к жизни великие силы любви, милосердия, духовной щедрости и силы.

В обеих традициях, к которым я принадлежу, — мексикано-испанской по рождению и венгерской по моим приемным родителям — рассказывание историй считается особой духовной практикой. Сказки, легенды, мифы и истории тщательно собирают, заучивают, систематизируют и хранят бережно, как в аптеке. Сундучок с рассказами, особенно с семейными преданиями, так же необходим для долгой и полноценной жизни, как здоровая пища, хорошие взаимоотношения и нормальная работа. Хранитель историй должен быть одновременно ученым, целителем, знатоком языка символов, талантливым рассказчиком, визионером и путешественником во времени, способным вдохновлять других и разговаривать с Богом.

В обеих моих семьях учили, что большинство историй предназначено не только для развлечения. В народной традиции они издавна считаются лекарством, целительным средством, применение которого требует определенной духовной подготовки и готовности воспринять откровение как со стороны целителя, так и со стороны пациента, и преподносятся именно в таком качестве. Такие целительные истории издавна использовались для того, чтобы учить, исправлять ошибки, просвещать, способствовать глубинному перерождению, лечить раны, восстанавливать память. Их основной задачей всегда было служить делу образования и обогащения опыта души на ее пути в мире земном.

Нужно также заметить, что большинство сильнодействующих лекарств, к разряду которых я отношу и истории, открыто благодаря чьим-то жестоким и мучительным страданиям. Но прежде всего каждая история порождена неустанным трудом — нашим, вашим, моим, всех, кого мы знаем, всех, кого мы не знаем и никогда не узнаем, ибо их жизнь далеко отстоит от нашей во времени и в пространстве. И как ни парадоксально, эти самые истории, появившиеся на свет из пучины человеческих страданий, зачастую так и остающихся никому не известными, оказываются самым сильным средством против прошлых, настоящих и даже будущих страданий и недугов.

Когда я была маленькой, несколько венгерских семей, которым удалось выжить в безумии Второй мировой войны, смогли перебраться в Америку при

помощи эмигрантов предыдущей волны. Неожиданно для себя я оказалась принята в огромную шумную семью, среди членов которой было несколько совершенно замечательных старых женщин. Одну из них я звала тетушкой Иреной, что для венгров означает почтенную рассказчицу вроде Матушки-Гусыни для американцев и англичан. Именно она рассказала мне историю о том, что же на самом деле означает «достаточно».

Тетушка Ирена была удивительной женщиной. Она стала для меня настоящим подарком судьбы, ибо ее всегда переполняла бесконечная любовь к людям и в особенности к маленьким детям. Помню, как она будила меня по утрам, стряхивая с рук мне на лицо капли холодной воды, - она называла это своим маленьким благословением. Летом тетушка Ирена румянила мне щеки вишневым соком, а как-то зимой, наплевав на все правила приличия, скатилась со мной на санках с высокого холма на луг, хохоча от восторга. Она знала просто уйму разных историй. Когда я забиралась к тетушке на колени, мне казалось, что я восседаю на большом и уютном троне, и тогда со мной и с миром все было в полном порядке.

Все это было тем более удивительно, что в годы войны вся семья жила в смертельном страхе, испытывая на себе всю бездну унижения и все ужасы оккупации. Это были простые крестьяне, жители крошечных деревень, разбросанных по дальним уголкам Венгрии. И как многие миллионы несчастных мужчин и женщин по всей Европе, они были одним махом брошены в чудовищную мясорубку войны, запущенную без их согласия, и оказались перед выбором - уцелеть любой ценой или сдаться и умереть. Тетушка, как и все, кто выжил, повторяла: «О том, что было на самом деле, я не в силах говорить. Это было так ужасно, что просто недоступно человеческому разумению. Никто не в силах этого понять, пока не увидит своими глазами, не услышит, не почувствует запах войны, не пройдет через всё это сам». Когда я спрашивала ее, какой подарок она хочет к своему дню рождения, вообще к очередному празднику, тетушка неизменно отвечала: «Пожалуйста, никаких подарков, Эстес, моя милая детка. Все, чего я хотела, у меня уже есть - я могу снова держать на руках дитя, чувствовать любовь, иногда смеяться или даже плакать. Все, о чем я молилась, у меня уже есть».

Итак, вот история про «достаточно», которую мне подарила тетушка Ирена. Тетушка рассказывала ее от третьего лица, как всегда делают люди, когда «не в

силах говорить об этом». Думаю, суть истории покажется вам чем-то очень знакомой, потому что корни ее уходят в глубокую древность.

Дело было во время войны. Одну маленькую деревеньку в Венгрии трижды брали три разные армии. Уже под конец, зимой, за три дня до Рождества, пришла еще одна армия и угнала почти всех, кто еще оставался в живых, в трудовой лагерь. Остальных выпроводили к границе и, сняв с каждого пальто и ботинки, оставили замерзать раздетыми. Каким-то чудом одной старухе удалось укрыться в лесу. В унынии и страхе она несколько бесконечных часов брела через лес, то стараясь стать черной, как мокрый древесный ствол, то пытаясь слиться с белизной снега. Вокруг стояла безмолвная звездная ночь, только снег порою с шорохом осыпался с ветвей. И вот через некоторое время она вышла к сторожке, вроде тех, какие строят охотники. Убедившись, что сторожка пуста, женщина вошла внутрь и в изнеможении рухнула на пол. Мгновение спустя она почувствовала, что в избушке есть еще кто-то живой. Это оказался древний старик. Он прятался во мраке, и глаза его были полны ужаса. Она тут же поняла, что он ей не враг. Еще немного погодя и он понял, что ему тоже нечего бояться. Сказать по правде, они оба выглядели не столько жутко, сколько нелепо. На ней — мужские штаны, которые были ей слишком коротки, пальто без одного рукава и фартук, намотанный на голову вместо платка. Что до старика, то уши у него торчали вот так, а от волос остались лишь два белых клочка. Ноги жердями болтались в широченных штанах, а ремень был обернут вокруг пояса дважды — такой он был тощий.

Так они и сидели рядышком, чужие друг другу, два человека, у которых не осталось ничего — лишь имена и биение сердца. Два беглеца, чутко прислушивающиеся к скрипу шагов

по снегу, две души, готовые отлететь в мгновение ока. И так, вдвоем, они несли эту полную муки стражу в прекраснейшую ночь года, в которую в добрые старые времена люди праздновали великий праздник природы и возвращение божественного света в мир.

По тому, как он говорил, старуха поняла, что старик гораздо более образован, чем она. И она была благодарна ему, когда он сказал: «Давай я расскажу одну историю, чтобы нам легче было скоротать ночь». История — *это* уже что-то знакомое. В те страшные времена ничто, поистине *ничто* уже не имело смысла. Но простая история — *это* она могла понять. Вот история, которую он рассказал... которая придала новый смысл вопросу «что такое достаточно?» и благодаря

которой та ночь навек осталась непохожей ни на какую другую — ни до, ни после нее.

Теперь у нас нет ничего, - начал старик. - Но где-то на свете, без сомнения, есть люди, которым судьба дала гораздо больше, чем им нужно. Что же такое достаточно? Давай-ка попробуем понять.

Однажды, в далекие времена, когда наши бабки и деды еще жили на этом свете, одна девушка, красивая, но бедная, вышла замуж за такого же красивого, но бедного парня. И как раз подошел канун великого праздника, когда все обычно дарят друг другу подарки. Молодые люди оказались в большой нужде, потому что война, много лет гремевшая над этой страной, лишь недавно закончилась.

Все овцы давно ушли на съедение солдатам. Так что не было шерсти, чтобы ссучить нитки. А без ниток нельзя было прясть, а без пряжи соткать ткань, а без ткани никто не мог сшить одежду взамен старой, уже протершейся до дыр. Люди разрезали на куски две пары башмаков, чтобы сварганить из них одну, пригодную к носке. Они напяливали на себя все старые свитера и дырявые куртки, которые только были в доме, так что все казались непомерно толстыми посерединке и тощими сверху и снизу.

А потом, как бывает, когда самое худшее вроде уже позади, люди начали помалу возвращаться к обычной жизни. Как собака, знающая свою конуру, они возвращались в свои опустелые дома, невзирая на царившую там разруху. Крестьянки начали чинить плуги, заменяя на худой конец железные лезвия глиняными, которые они сами лепили и обжигали. Остальные вытаскивали из земли и перетряхивали мертвые колосья в поисках зерен. Портной выпросил у кого-то несколько клочков ткани и снова принялся шить и продавать на улицах свои локутные куртки и жилеты. Мельник вручную молот все зерно, которое мог вырастить на окне в разбитых горшках, ловко лепил из него маленькие хлебцы и их продавал. А потом те, у кого была коммерческая жилка, потихоньку начали копить деньжата, торгуя чем получится, — благодаря небо за то, что, каким бы там злом ни была война, солнце по крайней мере все так же светит над головой. И все в деревне шло своим чередом. Всюду постепенно появлялись знаки новой жизни, и люди как могли оберегали хрупкие ее ростки.

Так жили молодая красавица и ее пригожий избранник И хотя они многое потеряли в войну, у них еще оставалось два сокровища. Парень умудрился сохранить

карманные часы своего деда и с гордостью говорил время каждому, кто спрашивал. А у девушки, несмотря на долгие месяцы голода, сохранились роскошные длинные волосы, ниспадавшие до самой земли, когда она их распускала, и покрывавшие ее всю, словно шуба из лучших соболей. И вот так, богатые и бедные одновременно, юные супруги вели скромную жизнь, выручая при случае грошик-другой то за крошечную редиску, то за зимнее яблочко.

В день праздника в каждом окне засветились масляные лампы с фитилями из тряпок. Рано стемнело, похолодало, снег быстро летел по небу. Молодой женщине очень хотелось сделать своему дорогому мужу подарок на праздник, большой, красивый, роскошный подарок. Однако, как ни вытряхивать все карманы, в них оказалось лишь несколько жалких монеток. Попытавшись обдумать свое положение по возможности беспристрастно, она не смогла сдержать слез и тихо расплакалась.

Она понимала, что слезами горю не поможешь и подарок любимому так или иначе найти придется, а потому вытерла мокрые щеки и задумалась; затем, натянув свое старенькое пальто и пару перчаток, у каждой из которых недоставало пальцев, причем разных, вышла из дому и помчалась вниз по улице мимо лавок и магазинчиков, в витринах которых было почти пусто. Но это уже не имело значения, потому что она все-таки придумала подарок, совершенно особенный подарок для своего дорогого мужа, который усердно работал целыми днями, чтобы принести домой то небольшое, что он получал за свой труд.

Она бежала мимо мусорных куч и старых лестниц, которые никуда не вели, по узким улочкам, а потом вошла в грязный полуразрушенный дом. Три лестничных пролета вверх, и вот она, едва переводя дух, собирается с силами и стучится в какую-то дверь.

Дверь открыла мадам Софи. На шее у мадам красовалась изрядно траченная молью норка. Волосы у мадам были оранжевые и стояли дыбом по всей голове. Брови были похожи на испачканные сажей печные щетки. Пожалуй, не найти было более нелепой особы из всех когда-либо украшавших собою лик земли. До войны мадам Софи делала роскошные парики для богатых мужчин и женщин, а теперь была вынуждена ютиться в крошечной комнатухе, где не было даже отопления.

При виде гостьи глазки мадам засверкали. «Ах, так ты все-таки решила продать свои волосы?» — проворковала она.

Они довольно долго торговались, но в конце концов все-таки ударили по рукам. Молодая женщина уселась на стул, а мадам Софи подняла одну из ее кос поближе к свету. Волосы сия-

ли, будто шелк. Вооружившись огромными черными ножницами, похожими на хищные железные челюсти, она в три приема отхватила великолепные локоны. Прекрасные волосы упали на пол, а вслед за ними закапали сверкающие слезы. Мадам Софи сгребла отрезанные волосы в кучу, словно жадная мышь — зерно.

— Вот твои деньги, — твякнула она. Уронив несколько монеток в ладонь молодой женщины, она вытолкала ее из квартиры и захлопнула дверь.

Вот так-то.

Даже несмотря на перенесенные страдания, молодая женщина вся светилась радостью, потому что шла туда, куда вело ее сердце. Она бежала туда, где продавались цепочки для часов, сделанные из посеребренного свинца, — однако, как говорили, выглядели они гораздо лучше, чем настоящие серебряные. Она отдала продавцу те несколько монет, которые у нее были раньше, вместе с деньгами, что выручила от продажи волос. А он протянул ей взамен цепочку для часов. Руки у него были такие грязные, что страшно прикоснуться, но все равно радость переполняла женщину, радость от того, что наконец-то у нее есть подарок, который можно не краснея преподнести своему возлюбленному. Поэтому она весело побежала домой, едва касаясь ногами земли, словно ангел, которым, впрочем, непременно была бы в другом месте и в другие времена.

Между тем ее муж с самого утра отчаянно пытался найти подарок своей ненаглядной. Что же он мог ей подарить? Что могло бы ей понравиться? Один торговец очень ему советовал купить, можно сказать за полцены, мороженую картошку. Нет, не пойдет. Другой протягивал платок, хотя и грязный, но зато красивой расцветки. Нет, из-под платка не будет видно волос, а ему так нравилось любоваться ее волосами, переливающимися на солнце всеми оттенками алого и золотого.

На следующем углу третий торговец держал в руках два простых гладких гребешка; один был просто совершенство, у второго недоставало всего лишь одного зубца. Юноша остановился как вкопанный: вот он, самый лучший подарок.

— Всего двенадцать грошей за эти отличные гребешки, — ухмыльнулся торговец.

— Но у меня нет таких денег, — расстроился молодой человек.

— А что у тебя есть? — спросил тот, и торг начался.

Тем временем его жена вернулась в их крошечную комнатку, слегка намочила волосы водой, как могла уложила пальцами, так чтобы оставшиеся жалкие пряди вились вокруг щек, и села ждать своего мужа.

— Только бы он решил, что я все еще хорошенькая, пусть и не как другие, — прошептала она, словно обращаясь к небесам. Вскоре она услышала шаги на лестнице. И вот он вбежал в комнату, бедняга, — исхудавший, с носом, покрасневшим от мороза, с заледеневшими пальцами, — но с восторгом и надеждой в глазах. И остановился в дверях, уставившись на жену, словно громом пораженный.

— Боже, тебе не нравится моя новая прическа, дорогой? Неужели не нравится? Скажи хоть слово. По правде говоря, я постриглась, чтобы сделать тебе кое-что приятное. Пожалуйста, скажи что-нибудь, любовь моя!

Молодой человек не знал, плакать ему или смеяться, но радость все-таки взяла верх.

— Моя милая, — сказал он и обнял ее покрепче, — у меня тоже для тебя подарок.

И достал из кармана гребни. На мгновение ее лицо озарилось счастьем, а потом погасло, и она горько разрыдалась от обиды.

— Любимая, — успокаивал он ее, — когда-нибудь твои чудесные волосы снова отрастут, и тогда эти гребешки будут тебе очень к лицу. Давай не будем грустить.

Взяв себя в руки, молодая женщина постепенно успокоилась. Тут она вспомнила о подарке, который припасла для любимого, и совсем развеселилась.

— А вот и твой подарок, дорогой мой муж.

В ее ладони лежала простая цепочка для часов, ради которой она пожертвовала столь многим.

— Ха! — воскликнул он и, вскочив, стал мерить шагами комнату. — А знаешь ли ты, что я продал мои часы, чтобы купить тебе гребни?

— Продал? Ты продал свои часы? — вскричала она.

Они обнимались, смеялись и плакали вместе и обещали друг другу, что все обязательно будет хорошо, точно будет, подождем — увидим.

Кто-то может сказать, что эти двое были глупы и недалёковидны. Однако на самом деле они были подобны волхвам, ищущим Мессию. Хотя волхвы и привезли Ему в дар золото, ладан и мирру, то, что они несли в своих сердцах — стремление и преданность, — на поверку оказалось гораздо важнее.

И эти молодые люди, подобно волхвам, проявили подлинную мудрость, ибо подарили друг другу самое драгоценное, что только могли, — свою любовь, свою самую горячую, самую истинную любовь.

И этого было вполне достаточно.

А когда старик закончил свой рассказ, там, в этой убогой хижине, от его простых слов страх и одиночество, которые ощущали оба беглеца, стали чуть менее страшными и чуть менее одинокими. И дело было не в том, что пропала причина бояться, - она-то осталась, - но сам рассказ придал им сил.

Там они и сидели впотьмах, старик и старуха, в канун великого праздника. Он поведал ей, что приближается время Хануки, особого праздника, когда в его семье все по обычаю приносили друг другу в дар гелт - маленькие монетки. А она в ответ рассказала ему, что приближается Рождество, когда они с друзьями тоже обменивались подарками. Оба печально улыбнулись, потому что и там и там по традиции полагалось дарить подарки, а у них не было абсолютно ничего, что можно было бы дать друг другу. Так они сидели в молчании, но внезапно из самого сердца старухи вырвались слова;

- Знаю! Я подарю тебе это небо, что над нами.

И она почувствовала, как что-то всколыхнулось у него в сердце, потому что старик закрыл глаза и глубоко вздохнул, а потом снова открыл их и взглянул прямо ей в глаза. И ответил:

- Для меня большая честь получить такой Дар.

И старуха не ожидала большего. Но внезапно он заговорил снова.

- А я... я в ответ дарю тебе эти звезды, что у нас над головой.

- И для меня это большая честь, - отвечала она.

И они сидели там, охваченные радостью и сердечной болью, погружившись в созерцание.

И вновь ее уста наполнились словами, взявшимися неизвестно откуда.

— А я счастлива отплатить тебе любезностью, ибо я дарю тебе... эту прекрасную луну.

Он долго молчал. Он искал в небесах что-нибудь, что мог бы подарить ей, но там больше ничего не осталось, потому что они уже подарили друг другу все, что можно было увидеть в небесах. И потому они сидели в молчании.

Но слова вновь пришли к нему.

— Да, теперь я понимаю. Я могу отплатить тебе за твою доброту, подарив историю, которую я только что рассказал. Храни ее. Вынеси ее из этих лесов живой и невредимой.

И они кивнули друг другу, потому что кому как не им было теперь известно, что хорошая история лучше всего на свете может озарить темные поля и леса, что простирались перед ними.

Той ночью, в той лесной хижине, они осмелились вспомнить прошлое — время смеха, сияющих свечей, горячей вкусной еды, родных лиц и любимых рук, поющих скрипок,

танцев и радостно покрасневшихся детей. Они ощутили тепло принесенных даров и уверенность в том, что по крайней мере в тот миг, — а быть может, и во веки вечные, — на земле не перевелись и не переведутся добрые люди.

Возможно, все дело было в том, что она отдала ему свой фартук, чтобы покрыть голову, ибо оказалось, что волос у нее, как у той девушки из сказки, гораздо больше, чем у него. А быть может — в том, что луна и звезды *стали* их небесным циферблатом, словно часы того юноши, проданные ради подарка любимой. А может быть — в том, что их пути легли пред ними, как серебряные цепочки для часов, чтобы потом в один прекрасный день они смогли вновь вернуться к тем давним себе, что *были* так прекрасны и свободны. Каковы бы ни *были* причины, а возможно, и вопреки тысячам разных причин, которых ни они, ни мы с вами, ни кто

бы то ни было никогда не сможет вполне понять... но хорошо, что все случилось именно так, потому что...

этого было вполне достаточно.

Как рассказывала мне моя дорогая тетушка, старик со старухой решили, что идти дальше порознь будет безопаснее. Итак, на следующий вечер, в холодных зимних сумерках, они расстались где-то в венгерских лесах, и каждый пошел своим путем, полагаясь только на удачу. Теперь их судьбы были в руках Господа, как и судьбы многих других в этой опустошенной войною земле. И это все, что мы знаем о них, потому что они никогда больше не встречались.

Я была маленькой и горела желанием разыскать их и убедиться в том, что они живы и у них все хорошо. «Что с ними случилось? Где они могут быть теперь?» — все спрашивала и спрашивала я. Тетушка объясняла, что старик воистину был существом необычным и, возможно, никогда не умрет, потому что бесчисленные истории хранят его жизнь и силу — так же как истории, которые знала она, помогают ей жить и как несомненно будет и со мной и с моими историями. «А та бабушка? Что случилось с ней?» — спросила я.

Ответом мне было молчание. А потом, устремив взгляд куда-то далеко, в те места, что могла видеть лишь она, тетушка сказала:

— Я думаю, она еще жива.

Э П И Л О Г

Мне довелось слышать множество изустных вариантов истории старика, а когда я была молода, то нашла еще один под названием «Дары волхвов» в сборнике О'Генри, изданном в 1905 году. Меня до сих пор поражает, что ядро сияет мощно и ярко сквозь все наслоения и варианты сюжета, накапливающиеся со временем.

В устной традиции сюжет «Дары волхвов» называется литературной сказкой, подразумевая под этим короткую историю, записанную с использованием элементов или прямых реминисценций из старых народных сказок. Вполне возможно, что история, рассказанная стариком, ведет свое происхождение от этой литературной сказки. Не исключено также, что ее сюжет перекликается с сюжетами

старинных восточноевропейских волшебных сказок Мотив приобретения какого-нибудь особенного предмета, который вскоре становится бесполезным, встречается в старинных сказках весьма часто и, как правило, связан с покупкой или вымениванием одного предмета, чтобы благодаря ему приобрести другой, который в свою очередь становится совершенно бесполезным вследствие непредвиденных действий другого человека или другой силы. Иногда наблюдается и такой поворот сюжета: необъяснимым образом или же благодаря изменениям в сознании героя или в обстоятельствах бесполезный предмет вновь становится полезным. Прекрасный пример — сказка про Джека и бобовый стебель.

По всему миру встречаются старинные истории, сюжет которых так или иначе вращается вокруг смыслового стержня — горькой, но весьма поучительной иронии. В некоторых случаях это обычная бытовая ирония, а в некоторых — парадоксы, напрямую связанные с вопросами жизни и смерти. В истории под названием «Вулфен» или «Геллерт» рассказывается о человеке, который убил своего верного пса, потому что решил, что тот загрыз его маленького сына. Вскоре этот человек узнал, что на самом деле пес убил волка и тем самым спас жизнь младенца, который остался жив и здоров. В «Жемчужине» Джона Стейнбека бедная пара получает одно сокровище — жемчужину, теряя при этом другое — собственного ребенка. Многие стихотворения и пьесы Федерико Гарсиа Лорки исполнены горькой иронии, как и большинство пьес Генриха Ибсена.

Тем не менее, как и сама история, рассказанная стариком, истории моей тетушки, хотя и весьма ироничные, — каждая в своем роде, все же содержат вдохновляющую мысль о том, что любовь сильнее любых потерь. Даже теперь, спустя много лет после того, как мою тетушку разбил паралич и она постепенно ушла от нас, я все еще питаю нежную любовь и глубочайшую благодарность к ней и к тому страннику в лесной хижине, давшему силы той, которую я так любила и которая в свою очередь дала мне силу рассказать вам о даре рассказа. Теперь вы можете нести свои собственные истории в дар тем, кто вам небезразличен.

Как нетрудно заметить, история как дар имеет свою родословную. Сейчас, когда вы читаете эти строки, мы уже подошли к пятому поколению истории про молодых супругов, которые продали то, что было для них ценно, чтобы получить взамен предметы совершенно бесполезные, но позволившие вернуться к их главному сокровищу — взаимной любви.

Кто-то рассказал историю старику,

Старик рассказал моей тетушке,

Она рассказала мне,

Я рассказала вам,

Вы, возможно, расскажете кому-то еще,

А тот в свою очередь еще кому-то...

Для некоторых историй важно выбрать правильное время, правильное место, правильного слушателя, — словом, тщательно соблюсти издавна выработанные правила; они определяют, когда и где следует или не следует рассказывать ту или иную историю. Но для того, чтобы принести в дар историю семейную, историю, относящуюся к нашей культуре или личному опыту, любое время может оказаться самым правильным, самым подходящим.

Как и сны, истории часто говорят с нами на языке символов, минуя таким образом то, что в психоанализе называется «эго» и «персона», то есть обращаясь непосредственно к душе и духу, которые и суть настоящие адресаты доставляемых историями и сновидениями древних уроков и наставлений на универсальном общечеловеческом языке. Именно поэтому истории могут учить, исправлять ошибки, развеивать тьму, облегчать сердце, давать убежище душе, способствовать трансформации и исцелять раны.

В наше время наблюдается стремление к жесткой независимости личности и настоятельная потребность в этом качестве. Но нередко гораздо более ценные плоды приносит обдуманная и сознательная взаимозависимость между индивидуумом и сообществом других людей. Считается, что сообщество либо базируется на кровных узах, либо является плодом сознательного выбора или договора, либо диктуется необходимостью. И хотя все это так, существует гораздо более сильное поле притяжения, объединяющее людей в рамках группы,— это их истории, простые и обычные истории, общие для них всех.

И хотя сюжеты могут вращаться вокруг преодоленных испытаний, предотвращенных трагедий, неизбежных смертей, помощи, прибывшей в последний момент, нелепых предприятий, безудержного веселья и так далее, — сказки, которые люди рассказывают друг другу, сплетаются в прочное и теплое покрывало, способное согреть в самую холодную ночь из тех, что ведомы сердцу и

духу. Таким образом, те истории, что берут начало в групповой памяти, со временем приобретают крайне личный, но в то же время универсальный характер, ибо, пересказываемые снова и снова, они начинают жить собственной жизнью.

Независимо от того, старая у вас семья, новая или вы только собираетесь ею обзавестись, сын вы, друг или любовник, — в любом случае, узы между вами и другими людьми укрепляются опытом, который вы делите с ними, историями, которые вы впоследствии рассказываете о своих переживаниях, и теми сказками, которые идут к вам из прошлого и будущего вашей семьи.

Не существует правильных или неправильных способов рассказывать *истории*. Вполне можно забыть начало, или середину, или конец. Но лучик рассветного солнца в окошке может заставить сердце воспарить. Так что очень даже стоит всячески обхаживать и умягчать ваших сварливых стариков ради того лишь, чтобы они поделились своими воспоминаниями. Выспрашивайте у малышей, когда они были счастливее всего, а подростков — чего они больше всего боялись. Дайте высказаться старшим. Пусть каждый расскажет что захочет. Разговорите скрытных. Расспросите всех и каждого. И вы увидите результат. Волшебный круг историй, который вы сотворили сообща, согреет и защитит каждого.

Ни один из нас не будет жить вечно. А вот истории — будут. Для того чтобы история продолжала жить, нужна хоть одна живая душа, которая могла бы ее поведать, — и тогда само звучание освященных временем слов вызовет к жизни великие силы любви, милосердия и духовной щедрости. Я вам обещаю... этого будет вполне достаточно.

**Дар Рассказа. Мудрая сказка о том, что такое «достаточно». Издательский Дом «София»
Москва 2005 ISBN 5-9550-0648-8**

«Дар рассказа» ведет читателя к осознанию того, что самый важный и значительный из всех даров, которые один человек может принести другому, - искренняя любовь. А еще – дар рассказа. Это истории, которые служат пропуском в живое и трогательное царство нашего фольклорного наследия, где любовь всегда торжествует над утратой. Доктор Эстес мастерски сплетает горечь и сладость, свет и тьму, отчаяние и надежду в дивную ткань повествования, которое вдохновляет и дает новые силы, в чудесный дар, бесценный для любого, кому посчастливится его получить.

«Эти наставляющие, обновляющие, целительные истории несут человеческой душе добро и ласку, которые невозможно получить из иного источника. В них без устали повествуется в тех хитроумных уловках, которыми издавна пользовались люди, чтобы подняться над непосильным трудом и муками этой жизни. В этих, казалось бы, наивно-бесхитростных историях есть все, что необходимо знать человеку, чтобы стать свободным и незаменимым для окружающих – чтобы жить жизнью, которая исполнена смысла и будет стоить того, чтобы о ней помнили»

Кларисса Пинкола Эстес, философ и поэт, лауреат многочисленных премий, психоаналитик юнгианской школы, кантадора (потомственный рассказчик-профессионал) латиноамериканской традиции, является основательницей недавно созданного Гваделупского Фонда – организации, посвятившей себя борьбе за права человека. Одно из направлений ее деятельности – «терапия историями» в специальных радиопередачах, транслируемых в «горячие точки» по всему миру – туда, где особенно нуждаются в утешении и поддержке.